

СОНА СКОФИЛД

РАЗВОД. НЕНУЖНАЯ ЖЕНА ГЕНЕРАЛА

Сона Скофилд

Развод. Ненужная жена генерала

«Автор»

2026

Скофилд С.

Развод. Ненужная жена генерала / С. Скофилд — «Автор», 2026

Я собирала мужу чемодан в командировку. А он выбирал момент, чтобы сказать, что уходит к другой. Ей было двадцать два. Нашему сыну — двадцать три. После двадцати четырех лет брака генерал Орлов собирался начать новую жизнь. Мне он пообещал помогать деньгами. Будто именно об этом я думала, когда просила его остаться хотя бы до утра. Самое унижительное началось потом. Я знала, с кем он засыпает, но все равно ждала его звонков. Придумывала, что скажу, если вернется. И боялась, что соглашусь раньше, чем он успеет попросить. А потом в моей жизни появился Андрей. В сорок пять я снова волновалась перед свиданием. Прятала улыбку, читая сообщения. Однажды осталась до утра — и впервые за долгие месяцы не подумала о бывшем муже сразу после пробуждения. Вот тогда Виктор и решил вернуться. Весной я отдала бы все за эти слова. Но произнес он их осенью. И почему-то был уверен, что я все еще та женщина, которая стояла возле его чемодана.

© Скофилд С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чемодан	5
Глава 2. Лишняя чашка	15
Глава 3. Такая внимательность	25
Глава 4. Разговор о разводе	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сона Скофилд

Развод. Ненужная жена генерала

Глава 1. Чемодан

— Форму не клади.

Я держала китель за плечики, чтобы не помять рукава. На покрывале лежал раскрытый чемодан, рядом — две рубашки, темно-синий свитер и пакет с ботинками. Виктор стоял в дверях спальни, все еще в пальто.

— Тогда серый пиджак? — спросила я. — Он в чехле. Тебе его из чистки привезли.

— Лена, оставь вещи.

По голосу я решила, что поездку отменили. Это случилось: сначала требовалось собраться к шести утра, потом внезапно появилось свободное воскресенье, в которое Виктор все равно работал. Я прикинула, успеет ли разморозиться рыба. На ужин был суп, но дома он обычно хотел чего-нибудь еще.

— Ты никуда не едешь?

Он снял пальто и положил на спинку кресла. Аккуратно, подкладкой внутрь. Потом вынул из кармана телефон.

— Еду. Только это не командировка.

Я так и стояла с кителем. Пальцы попали под жесткий край плечиков, и мне пришлось перехватить их поудобнее.

— А что?

— Я буду жить отдельно.

Я посмотрела на чемодан, затем снова на него.

— В смысле — отдельно?

— Я ухожу, Лена.

Он произнес это без нажима. Обычно таким голосом сообщал, что не сможет заехать за мной или что в субботу к нам придут гости. Я услышала каждое слово, но несколько секунд ждала продолжения, которое объяснило бы начало.

— От меня?

Виктор кивнул.

Китель качнулся на плечиках. Я подняла его повыше, зачем-то проверила, не зацепилась ли подкладка за ручку чемодана, и повесила обратно в шкаф.

— Из-за чего?

Он провел ладонью по коротко стриженным волосам. Утром я заметила, что ему пора к парикмахеру, но не сказала: он торопился, искал пропуск.

— У меня другая женщина.

Я посмотрела на его руки. На безымянном пальце осталось кольцо. Почему-то это показалось важным, будто я обнаружила ошибку в том, что он сказал.

— Что значит — другая?

— Мы вместе. Я переезжаю к ней.

Виктор сделал шаг ко мне.

— Давай спокойно поговорим.

— Я пока спокойно.

Он остановился.

На левой манжете приготовленной рубашки торчала белая нитка. Утром я поменяла пуговицу: старая треснула. Он попросил, я пришила новую. Несколько часов назад.

— Ты когда решил?

— Не сегодня.

— А чемодан достать попросил сегодня.

— Мне нужно было собрать вещи.

Он смотрел прямо. Я знала этот взгляд: Виктор так выслушивал возражения, когда решение уже было принято. Двадцать четыре года я гордилась тем, как мало ему нужно суеты, чтобы все устроить. Сейчас мне хотелось, чтобы он хоть раз сбился, не нашел слова, сказал какую-нибудь глупость, за которую можно было бы ухватиться.

— Ты сказал, что уезжаешь вечером. Я спросила, надолго ли. Ты ответил: пока не знаю.

— Я помню.

— А я решила, что тебя опять отправляют. Постирала вот это. — Я указала на свитер.

— Он еще утром был влажный, я его на полотенце раскладывала.

Виктор опустил глаза на кровать.

— Не надо было.

— Я бы не стала, если бы ты сказал.

Между нами оставалось два шага. Он был дома, в нашей спальне, и пах тем же одеколоном, который я подарила ему в феврале. У него еще не было чужого запаха. Я ждала, что сейчас обнаружу что-то незнакомое и тогда станет легче понять, кто стоит передо мной.

На кухне пискнула духовка.

Я вздрогнула. В ней подсушивался хлеб к супу.

— Мне надо выключить.

Виктор посторонился, пропуская меня. Я прошла мимо, стараясь не задеть его плечом. Прикосновение могло оказаться невыносимым, а могло заставить меня вцепиться в него обеими руками. Проверять я не хотела.

На кухне было тепло. На столе стояли две глубокие тарелки, его ложка справа, моя слева. Я открыла духовку, потянулась к противню и только тогда сообразила, что нужна прихватка.

— Осторожно, — сказал Виктор за спиной.

— Я вижу.

Хлеб пах чесноком. Я поставила противень на плиту, выключила конфорку под кастрюлей и вытерла руки, хотя они были сухими.

Виктор сел на свое место у окна. Между его локтем и солонкой лежал телефон экраном вниз.

— Сядь, пожалуйста.

Я осталась у столешницы.

— Как ее зовут?

Он немного помедлил.

— Алина.

— Я ее знаю?

— Нет.

— Она у вас работает?

— Нет. Мы познакомились на мероприятии. Она занималась организацией.

— Каком?

— В деловом клубе. Осенью.

Я пыталась вспомнить осень. Какой-то прием, на который меня не звали. Что-то в гостинице. Потом другой вечер, где я была и весь час разговаривала с женщиной, убежденной, что я должна знать телефон хорошего эндокринолога, раз мой муж генерал. Виктор в это время стоял у окна с двумя мужчинами. Он тогда обернулся ко мне и незаметно показал на часы: скоро поедем.

— Давно это у вас?

— Около полугода.

Я все-таки села. Стул задел плитку с неприятным скрипом.

— Полгода?

Он кивнул.

Осень, Новый год, его день рождения, наша годовщина. Все поместилось в два коротких слова. В феврале он принес цветы и сказал, что двадцать четыре года пролетели быстро. Я ответила, что некоторые гарнизонные зимы можно считать за две. Виктор засмеялся, притянул меня за талию, и я прижалась щекой к его груди.

— Сколько ей лет?

— Лена...

— Я спросила, сколько ей лет.

Он подвинул солонку, хотя она не мешала.

— Двадцать два.

Я опустила взгляд на его руки и стала ждать, когда он поправится. Он молчал.

— Нашему сыну двадцать три, — сказала я.

— Я знаю, сколько лет нашему сыну.

— А тебе пятьдесят три.

Виктор сжал губы.

— Я и свой возраст знаю.

— Тогда помоги мне. Я сейчас ничего не понимаю.

Он откинулся на спинку стула. На верхней пуговице рубашки натянулась нитка. Я поймала себя на желании сказать, чтобы расстегнул ворот: ему было тесно. От этого привычного движения мысли меня затошнило.

— Мы не планировали, что так получится.

— А как планировали?

— Никак. Мы общались. Потом стали видеться.

— А потом ты попросил меня собрать чемодан.

— Я не просил собирать. Я попросил достать его с антресолей. Ты сама...

Он замолчал.

Я ждала, что он договорит. Что объяснит, почему я сама стирала, складывала, спрашивала про завтрак. Ведь я и правда сама. Давно уже не требовалось просить.

— Да, — сказала я. — Сама.

Виктор потер переносицу.

— Я плохо начал этот разговор.

— А как его нужно было начать?

Он ничего не ответил.

— Она знает, что ты женат?

— Да.

— С самого начала?

— Да, Лена.

Я отвела глаза. Хотелось спросить, как она выглядит, какого цвета у нее волосы, смеется ли она, запрокидывая голову. Я уже видела ее — сразу нескольких разных женщин, вернее, девушек, каждая из которых могла быть рядом с ним. Мне стало стыдно за собственные колени под домашними брюками, за резинку на запястье, которой я собирала волосы, когда готовила.

— Ты ее любишь?

Он ответил не сразу. Эти несколько секунд я держалась за край стола.

— Да.

В груди сделалось тесно. Я попыталась вдохнуть глубже и не смогла.

— А меня?

Виктор посмотрел на меня так, что я пожалела о вопросе еще до ответа.

— Ты очень близкий мне человек.

Я убрала руки со стола.

— Не надо.

— У нас была хорошая жизнь. Я не собираюсь говорить, что...

— Не надо рассказывать мне, какая у нас была жизнь. Я в ней была.

Он замолчал. Впервые за весь вечер послушался сразу.

Я взяла свой стакан с водой, сделала несколько глотков и поперхнулась. Пока кашляла, Виктор встал из-за стола.

— Лена, дай...

Я выставила ладонь, и он остался по другую сторону стола.

— В марте ты ездил на два дня, — сказала я, когда смогла дышать. — В тот раз, когда я просила тебя отвезти маму на обследование. Ты сказал, что никак не получится.

Он не переспросил, о какой маме речь. Речь всегда шла о его матери: моя умерла четыре года назад.

— Служебные поездки у меня тоже были.

— Я про девятнадцатое марта. Ты позвонил вечером и спросил, что сказал врач. А потом я услышала музыку. Ты объяснил, что у коллеги работает телевизор.

Виктор медленно сел обратно.

— Да. Тогда я был с ней.

Я помнила, как стояла с телефоном в больничном гардеробе, прижимая к боку Лидино пальто. Она никак не могла попасть рукой в рукав и сердилась, что я держу слишком высоко. Виктор сказал: «Спасибо, Лен. Без тебя бы не справились». Я еще улыбнулась. Мне было приятно, что он это замечает.

— Где?

— За городом.

— В гостинице?

— Да.

У меня дрогнул подбородок. Я прижала язык к небу, стараясь удержать лицо. Почему-то было ужасно важно не заплакать именно сейчас, пока он сидел напротив и ждал, что я спрошу дальше.

— Ты мне оттуда звонил.

— Звонил.

— Говорил, чтобы я не ждала, ложилась пораньше.

— Лена, я виноват. Я понимаю, что виноват.

— Не понимаю я. Ты сейчас сказал про полгода, и мне нужно вспомнить, где ты был. Когда я знала, где ты, а когда...

Я не закончила. Мне предстояло заново пережить столько вечеров, теперь уже зная, где он был, что меня охватил страх.

— Я думал, что справлюсь. Что пройдет, — сказал Виктор, глядя мимо моего плеча.

— Ты продолжал с ней встречаться, чтобы прошло?

Виктор поднял на меня глаза.

— Нет.

Это короткое «нет» прозвучало лучше всего, что он сказал до него. В нем хотя бы не было попытки сделать случившееся приемлемым.

— Я ведь спрашивала тебя. В январе. Помнишь? Ты сидел здесь, все время смотрел в телефон, я спросила, у нас что-то происходит?

— Помню.

— И ты сказал, что устал. Что на работе черт знает что и хотя бы дома тебе нужен покой.

Он провел ладонью по столу и убрал крошку.

— Да.

Я тогда купила ему витамины, спросив в аптеке, что можно человеку с большими нагрузками, и принесла вместе с его любимыми мандаринами. Он сказал, чтобы я не тратила деньги на ерунду. Мандарины съел.

Сейчас это казалось такой жалкой подробностью, что я не смогла произнести ее вслух.

— Что со мной было не так? — спросила я.

Виктор резко покачал головой.

— С тобой все так.

— Не отвечай сразу. Подумай.

— Лена, ты хорошая жена. Ты прекрасная мать. Я никогда не говорил другого.

Мне хотелось ударить его. По-настоящему, ладонью по лицу, чтобы он перестал перечислять то, за что полагалась благодарность. Я прижала пальцы к коленям и осталась сидеть.

— Тогда почему ты уходишь?

Он смотрел на меня долго. Уже не так уверенно, как в спальне.

— Потому что хочу быть с ней.

Я закрыла глаза. Ответ оказался простым, и спорить с ним я не умела.

Виктор заговорил первым:

— По деньгам ничего не изменится. Пока все будет, как было. Живи здесь, потом спокойно решим остальное.

Я открыла глаза.

— Ты уже и это решил?

— Я хочу, чтобы ты понимала: ты не остаешься без средств. Не нужно сейчас об этом думать.

— Я сейчас о деньгах не думаю.

— Потом начнешь. Лучше сразу договориться.

Он потянулся за телефоном, но, увидев мое лицо, положил его обратно. Я узнала свою роль в этом разговоре. Нужно было выслушать условия, задать необходимые вопросы и подтвердить, что все понятно. Так мы обсуждали переезды. Только раньше уезжали вместе.

— Где вы будете жить? У нее?

— Я снял квартиру. На прошлой неделе.

Я кивнула, хотя кивать было незачем.

— Значит, уже ездили, смотрели.

— Лена...

— Выбирали, где удобнее. Договаривались с хозяином. Ты все успел.

— Я не мог уйти в никуда.

— Конечно.

Виктор поморщился.

— Я понимаю, как это выглядит.

Я покачала головой. Он видел отдельные неприятные вещи: ложь, чужую квартиру, чемодан на нашей кровати. А я никак не могла найти, куда деть себя. Еще час назад у меня был муж, которого вечером следовало накормить и проводить в дорогу. Теперь он объяснял, сколько денег я буду получать, чтобы не беспокоиться.

— Ты ей сказал, что придешь сегодня?

— Да.

— Она ждет?

Он не ответил сразу, и я усмехнулась. Губы слушались плохо.

— Ладно. Глупый вопрос.

Виктор поднялся и понес мой стакан к раковине. Стекло стукнуло о металлический край, и я сказала:

— Не ставь туда. Там нож.

Он переставил его на столешницу.

— Спасибо.

От этого «спасибо» я встала так резко, что стул отъехал назад. Виктор повернулся, готовый подхватить его или меня, а я вышла из кухни.

В гостиной было прохладно: я оставила форточку открытой. Я уперлась ладонями в подоконник и смотрела на освещенную площадку у подъезда. Кто-то припарковался вторым рядом, и водитель маленькой белой машины никак не мог выехать.

Мне было сорок пять. У меня был взрослый сын и муж, с которым я думала состариться. Я никогда не произносила этого торжественно. Просто покупала большую упаковку кофе, потому что нам хватало ее на месяц, и знала, с какой стороны он будет лежать ночью.

— Лена.

Я услышала его за спиной.

— Я сейчас, — сказала я, не оборачиваясь. — Дай мне минуту.

Он остался у дверей.

Я пыталась собрать мысль, которая все время ускользала. Если у них полгода, если квартира уже снята, почему мне нельзя получить хотя бы вечер? Не на суп и складывание рубашек — на то, чтобы понять.

— Не уходи сегодня, — сказала я.

Виктор подошел ближе.

— Мы уже обо всем поговорили.

— Нет. Ты рассказал. Я еще даже понять ничего не успела. Побудь дома до утра.

Он посмотрел на часы.

Я увидела это. Он тоже понял, что я увидела, и опустил руку.

— Лена, если я останусь, ничего не изменится.

— Ты не знаешь.

— Знаю.

Я обернулась к нему. На улице уже стемнело, и в стекле отражались мы оба: он в светлой рубашке, я в старой домашней кофте, у которой растянулся ворот. Эта кофта была удобная. Вчера я не находила в ней ничего унижительного.

— Я не прошу тебя лечь со мной. Можешь в гостиной. Просто не надо так: прийти, сказать и уйти. Дай мне ночь.

— Ты надеешься, что я передумаю.

— Да, — ответила я. — Надеюсь.

Он отвел глаза.

Мне стало жарко. Я понимала, как выгляжу, но уже не могла остановиться.

— Я могу поехать к Наташе. Если тебе нужно побыть одному. На несколько дней. Мы можем пока никому ничего не говорить.

— Мне не нужно побыть одному.

Он сказал это тихо. Я сцепила пальцы, потому что руки начали дрожать.

— Тогда зачем ты до сегодняшнего дня здесь жил?

— Потому что боялся этого разговора.

— Ты?

Виктор устало провел ладонью по лицу.

— Да, я. Можешь удивляться.

— Я не удивляюсь. Я спрашиваю, чего ты боялся. Что я узнаю? Или что придется смотреть?

— Того, что сделаю тебе больно.

Виктор сжал челюсти.

— Я не могу сказать ничего, что тебе сейчас подойдет.

— Можешь. Скажи, что останешься.

Он молчал так долго, что я успела поверить: сейчас согласится. Я мысленно убирала вещи в шкаф, доставала чистую простыню для дивана. Утром мы выпьем кофе. Я надею что-нибудь другое. Не эту кофту, которую уже хотелось содрать.

— Нет, Лена. Я не останусь.

Я опустила голову.

Он осторожно коснулся моего плеча. Плечо само подалось навстречу его ладони, как бывало, когда он обнимал меня в очереди или подходил сзади на кухне.

Виктор чуть сжал пальцы.

— Мне жаль.

Я отступила. Он убрал руку.

— Пожалуйста, не так.

— Как?

Я не смогла объяснить. Не так, будто у меня умер кто-то, к кому Виктор не имел отношения.

Он постоял еще немного, затем прошел в спальню. Я услышала, как открылась дверца шкафа.

Некоторое время я оставалась у окна. Потом пошла за ним.

Он собирал вещи сам. Достал еще две рубашки, свернул ремень и положил в чемодан. Трикотажную футболку уронил на пол. Я нагнулась за ней одновременно с ним и отступила, пропуская его.

— Ты все заберешь?

— Сейчас необходимое. За остальным заеду позже. Согласуем.

Я села на край кровати, оставив между собой и чемоданом полоску покрывала.

— И форму?

— Форму отдельно увезу. Она помнется.

Он положил поверх рубашек свитер. На спинке оставалось влажное пятно размером с ладонь.

— Он не высох, — сказала я.

Виктор потрогал шерсть.

— Ничего.

Я уже хотела сказать, что он запреет в закрытом чемодане, и стиснула зубы. Пусть растекут на своем полотенце.

Виктор открыл верхний ящик комода. Там лежали его часы в коробках, запонки, старый кожаный кошелек, который он не выбрасывал, потому что подарил Кирилл. Он взял часы, потом кошелек, подержал и тоже убрал.

— Этот же порван, — сказала я.

— Я знаю.

Он посмотрел на меня, и я увидела, что ему действительно тяжело. Это оказалось хуже его спокойствия. На секунду захотелось помочь ему быстрее закончить, чтобы он перестал так смотреть.

Я встала и ушла в ванную.

Дверь заперла. Включила холодную воду, намочила запястья, потом лицо. Над раковиной висело зеркало, в нижнем углу которого давно темнело пятно. Виктор обещал заменить его. Я каждый раз говорила, что это не срочно.

Сейчас на меня смотрела женщина с мокрыми щеками и красным носом. Волосы на лбу потемнели от воды. Я провела ладонью по коже под подбородком, повернула голову. Слева, при этом свете, все выглядело хуже.

Двадцать два.

Я в двадцать два кормила Кирилла и засыпала сидя. Виктор возвращался поздно, старался ходить на цыпочках, однажды опрокинул в темноте ведро с пленками. Мы оба тогда едва не умерли от смеха, а сын не проснулся. Потом Виктор мыл пол, завернув брючины до колен.

Мне захотелось напомнить ему об этом ведре. Так сильно, что я взялась за ручку двери. И остановилась. Он помнил. Он тоже там был.

Я вытерла лицо полотенцем, промокнула волосы. Снова посмотрела в зеркало и отвернулась.

Из спальни донесся звук молнии.

Я открыла дверь.

Виктор уже стоял в прихожей. Чемодан был закрыт, рядом лежала его небольшая кожаная сумка. Он набирал что-то в телефоне. Увидев меня, опустил его, но спрятать не успел.

— Пишешь, что выходишь?

— Да.

Я прислонилась к стене. Ноги стали тяжелыми.

Виктор убрал телефон в карман. Вернулся в спальню за пальто и надел его, попав рукой в рукав только со второго раза. Я смотрела, как он застегивает пуговицы.

— Кириллу я скажу сам, — произнес он.

Я подняла глаза.

— Что ты ему скажешь?

— Что мы расстанемся. Что у нас появились разногласия.

— Какие?

— Лена, ему не нужны подробности.

Я оттолкнулась от стены.

— Ему не нужно знать, почему отец ушел?

— Знать можно по-разному. Он взрослый, поймет. Я не хочу, чтобы он оказался между нами.

— Тогда не ставь его туда. Скажи, как было.

Виктор взялся за ручку чемодана, но не поднял ее.

— И что ты предлагаешь? Обсуждать с сыном мою личную жизнь?

Я замолчала. Он сразу понял.

— Я не в этом смысле.

— А я в каком месте твоей личной жизни? — спросила я. — До сегодняшнего вечера я думала, что в ней живу.

Он опустил руку.

Мы стояли напротив друг друга в узкой прихожей. Здесь всегда было тесно, когда кто-нибудь уезжал. Приходилось уступать дорогу, придерживать дверь, следить, чтобы чемодан не задел тумбу. Я сдвинулась в сторону по привычке и тут же вернулась.

— Я сама поговорю с Кириллом.

— Он начнет звонить мне.

— Значит, ответишь.

— Давай хотя бы договоримся, что именно...

— Я не буду говорить про разногласия.

Голос у меня дрожал, но эти слова я произнесла разборчиво.

Виктор выждал.

— Хорошо. Поговори. Только прошу тебя, не нужно делать из него судью.

— Я не собираюсь. Но я не смогу ему врать.

— Я не прошу врать.

Я посмотрела на него. Он отвел взгляд первым.

— Когда ты позвонишь? — спросил он.

— Не знаю. Завтра. Когда смогу.

— Тогда я после тебя. Напиши мне.

Я не обещала.

Из кармана пальто он достал ключи. На кольце висел брелок, который Кирилл привез из своей первой самостоятельной поездки. Виктор перебрал ключи, нашел автомобильный, убрал остальные обратно.

Я вдруг испугалась, что он оставит ключ от квартиры на тумбе. От этой мысли перехватило горло. Мне было стыдно за свое облегчение, когда связка снова исчезла в кармане.

— Когда приедешь за вещами, сначала позвони, — сказала я.

Он посмотрел внимательно.

— Конечно.

Я не собиралась произносить ничего такого. Просто представила, как он входит посреди дня, пока я сплю или плачу, берет чистую рубашку и уходит снова. Этого я боялась почти так же сильно, как закрывающейся двери.

— Я завтра переведу деньги, — сказал Виктор.

— Хорошо.

Я не знала, сколько у меня осталось на карте. Могла вспомнить, если бы постаралась, но сейчас даже спрашивать про сумму казалось непосильным.

Он застегнул верхнюю пуговицу пальто и оглянулся в сторону кухни.

— Поешь, пожалуйста. У тебя руки дрожат.

Я смотрела на него и не могла решить, что больнее: эта привычная забота или то, что она еще действовала на меня. Захотелось ответить, что поедем, пусть не беспокоится. Я открыла рот и закрыла.

— Я пойду, — сказал он.

Я кивнула.

Он выдвинул ручку чемодана. Металлические трубки щелкнули, колеса зашуршали по коврику. Виктор потянул дверь на себя, задержался, будто тоже не понимал, как теперь прощаться.

Обычно он целовал меня у виска. Иногда я тянулась, чтобы поцеловал в губы, и он усмехался: «Ну что ты, как маленькая». Сейчас я смотрела на его рот и ждала, что он хотя бы наклонится.

Он не наклонился.

— Я на связи, — сказал он.

И вышел.

Чемодан зацепился колесом за край коврика. Виктор чуть приподнял его, как делал десятки раз. Я знала, что он сейчас нажмет кнопку лифта, потом проверит карманы: телефон, ключи, документы. Если лифт окажется на первом этаже, успеет прочитать сообщение.

Дверь закрылась. Я придержала ее ладонью, чтобы не хлопнула, и еще несколько секунд держала ручку опущенной.

На площадке зашумел лифт.

Я шагнула вперед. Можно было открыть, догнать его, сказать еще что-нибудь. Не про возраст, не про сына. Вспомнить то, чего он сам сейчас не помнил. Мне казалось, нужные слова вот-вот найдутся, надо только не дать ему уехать.

Потом лифт остановился на нашем этаже. Послышался короткий удар колес о порожек, створки сомкнулись.

Я стояла, пока гул не стих.

В спальне горела настольная лампа. Виктор включил ее, когда разбирал вещи, и оставил свет. На кровати лежала пустая вешалка, сдвинутая к подушке. Я взяла ее и пошла к шкафу, но у открытой дверцы остановилась. Там еще висело много его одежды.

В голове возникло: значит, вернется.

Я знала, зачем он вернется, он сам сказал. Все равно посмотрела на рубашки еще раз.

На телефоне было несколько обычных уведомлений. Сообщение от клиентки, которая хотела забрать платье завтра, напоминание об оплате интернета, фотография от Наташи — странный жакет, увиденный ею в магазине. Наташа подписала: «Представь, это продают за двенадцать тысяч». Я не ответила ей днем и теперь смотрела на пестрые рукава, пытаюсь понять, чем они могли быть смешны.

Я открыла переписку с сыном. Последнее сообщение было от меня: «Заезжай в выходные, если получится». Кирилл ответил, что собирается с друзьями за город. Я поставила сердечко и ничего больше не спросила, чтобы не надоедать.

Под его именем загорелось «в сети».

Я поднесла палец к значку звонка и остановилась. Если бы он сейчас сказал «Мам?», я бы не смогла объяснить, что произошло. Он услышал бы мое дыхание и начал спрашивать, кто умер.

Телефон я положила на стол экраном вверх. Постояла рядом. Потом пошла на кухню.

Хлеб остыл, чеснок пах слишком сильно. Я накрыла противень полотенцем, убрала нож из раковины, ополоснула его. На плите стояла кастрюля, а на столе — две пустые тарелки.

Я налила суп в одну. Поднесла к столу и только тогда заметила, что поставила на место Виктора.

Пришлось переставить.

Я села и взяла ложку. Сделала глоток, второй. На третьем не смогла проглотить. Отодвинула тарелку, прижала салфетку ко рту и наконец заплакала — громко, некрасиво, с открытыми глазами. Салфетка сразу размокла. Я потянулась за следующей и задела его тарелку.

Она проехала по столу и остановилась у самого края.

Я успела придержать ее. Так и сидела, уцепившись за холодный фарфор, пока суп передо мной переставал парить.

Глава 2. Лишняя чашка

Кофе я насыпала в две чашки. В свою меньше, в Викторову — полную ложку с горкой, как он любил. Чайник еще не вскипел, и я стояла перед ним, прижав ладонь к крышке банки.

Потом убрала вторую чашку в шкаф. Вместе с кофе. Высыпать его почему-то было труднее.

Ночью я почти не спала. Сначала лежала на своей половине кровати, потом пересела в кресло, потом снова легла, подложив под спину вторую подушку. В четвертом часу услышала машину во дворе и подошла к окну. Вышел незнакомый мужчина с пакетом из магазина. Он долго искал что-то в карманах, а я смотрела, пока он не скрылся в соседнем подъезде.

Сейчас хотелось лечь на кухонный стол щекой и закрыть глаза. Но на стуле в спальне висело платье, которое сегодня должны были забрать. Обычная подшивка низа. Вчера утром я наметала подгиб, вечером собиралась закончить. У клиентки был день рождения сестры, она дважды спросила, точно ли я успею.

Телефон завибрировал, когда я доставала молоко.

Я едва не уронила пакет.

Пришли деньги от Виктора. Та же сумма, которую он обычно переводил на домашние расходы. Следом — сообщение: «Как ты?»

Я перечитала его несколько раз. Можно было ответить честно. Написать, что меня все время тошнит, хотя я почти ничего не ела. Что я не понимаю, надо ли менять простыню. Сказать, чтобы приехал.

Я набрала: «Плохо».

Он прочитал сразу. Под именем появились три точки, исчезли, потом возникли снова. «Если что-то нужно, скажи».

Я положила телефон на холодильник, экраном вниз. Постояла, взяла его обратно. Ничего нового не было.

В шкафу оставалась чашка с сухим кофе. Я достала ее и высыпала содержимое в мусорное ведро. Потом долго мыла, хотя хватило бы ополоснуть.

За машинку я села в девять. У меня был небольшой стол у окна спальни, лампа на гибкой ножке и коробка с нитками, которую Виктор каждый раз называл сундуком. Он любил рассказывать знакомым, что Лена может из любого лоскута сшить приличную вещь. Когда меня спрашивали, почему не открою свое дело, я отшучивалась: еще не все лоскуты в доме закончились.

Платье было темно-зеленое, из тяжелой мягкой ткани. Клиентка просила убрать три сантиметра, чтобы носить его с низкими туфлями. Я вытащила булавки, разложила подол и стала шить.

На середине подола заметила, что нитка в шпульке заканчивается. Достала другую, начала заправлять, услышала шум в подъезде и подняла голову. За дверью разговаривали. Женский голос, мужской ответ. Я не различала слов и зачем-то вышла в коридор.

Это пришли к соседям.

Когда я вернулась к столу, телефон лежал на ткани. Я не помнила, как принесла его из кухни.

Машинка вдруг пошла тяжелее. Я остановилась, подняла лапку и увидела, что подогнула низ дважды с одной стороны. Строчка тянула ткань, а возле бокового шва образовалась волна.

— Ну прекрасно, — сказала я вслух.

Распарыватель оказался не в том отделении коробки. Я высыпала на стол катушки, пуговицы, короткие обрезки тесьмы. Нашла его под старой сантиметровой лентой и стала поддевать стежки.

Обычно такая работа успокаивала. Можно было следить за кончиком лезвия, разглаживать ткань пальцами, не думать ни о чем сложном. Но теперь после каждого трех стежков я проверяла телефон. Затем забывала, какую нитку уже поддела, дергала сильнее, чем нужно.

У бокового шва я чуть не прорезала ткань.

Я положила распарыватель и отодвинулась от стола.

Платье стоило денег. Женщина принесла его мне, потому что доверяла. Она не имела отношения к тому, что Виктор снял квартиру и уже проснулся рядом с кем-то другим.

Я нашла ее номер.

— Доброе утро. Это Елена, по поводу платья. Можно вас попросить забрать его завтра? Сегодня не успеваю.

— Завтра? — В голосе появилось недовольство. — Мы же договорились.

— Да. Я помню. Простите, пожалуйста.

— У меня завтра с утра парикмахер, потом надо за тортом. Мне неудобно ехать еще и к вам.

Я закрыла глаза. Знакомое движение — сейчас предложить все, что угодно, лишь бы человек перестал сердиться.

— Я могу привезти сама. До десяти. Подойдет?

Женщина помолчала.

— До половины десятого. Позже меня уже не будет.

— Хорошо. Напишите адрес, пожалуйста.

— А с платьем все нормально?

Я посмотрела на подол.

— Да. Нужно переделать строчку, ткань целая.

Она вздохнула, но согласилась. После разговора я еще минуту сидела с телефоном у уха. Теперь хотя бы было понятно, что делать с платьем. Остальные вопросы от этого никуда не делись.

Кириллу я написала в половине двенадцатого: «Сможешь сегодня приехать? Мне нужно поговорить».

Он позвонил сразу.

— Мам, что случилось?

Я услышала голоса у него за спиной. Кто-то смеялся, просил передать зарядку.

— Ты сейчас не один?

— На работе. Выйду, если надо. Ты заболела?

— Нет. Приезжай вечером.

— С папой что-то?

Я стиснула край стола.

— Он здоров. Мы оба здоровы. Просто приезжай.

— Мам, ты меня пугаешь. Скажи уже, что.

Я попыталась начать, но голос сорвался на первом звуке.

— Ладно, — быстро сказал Кирилл. — Ладно. После шести буду. Никуда не уходи, хорошо?

— Я дома.

Я записала клиенткин адрес на бумажке и приколотла к платью. Затем сняла булавку, потому что она могла оставить след, и положила записку рядом. Руки требовали какого-нибудь занятия. Я разобрала коробку, вернула катушки на место, нашла три одинаковые пуговицы, которых не могла найти на прошлой неделе.

В начале второго позвонила Наташа.

— Ты жива? Я тебе вчера такую красоту прислала, а ты молчишь. Подумала, вдруг решила повторить и уже кроишь.

— Я видела.

— Скажи, рукава великолепные? Особенно левый. Там, по-моему, чья-то занавеска. Я попробовала улыбнуться и не смогла.

— Наташ, Виктор ушел.

Она сразу перестала говорить.

— Куда?

— К другой. Вчера.

За ее спиной зажужжала машинка. Наташа сказала кому-то: «Я сейчас выйду», — и шум стих.

— Ты одна?

— Да. Кирилл вечером приедет.

— Я тоже приеду. Только здесь закончу. Часам к восьми.

Я хотела сказать, что не нужно, что у нее работа и дорога в другую сторону. Вместо этого спросила:

— Можешь захватить зеленые нитки? Темные. У меня почти кончились.

Наташа не стала уточнять, зачем мне сейчас нитки.

— Могу. Пришли фото ткани рядом с белым листом, чтобы оттенок был виден.

Я сфотографировала платье. На снимке в углу получился пустой стул Виктора — я перенесла вещи на кухню, где было светлее. Переснимать не стала.

Кирилл приехал без десяти шесть. Я услышала, как он быстро поднимается по последнему лестничному пролету: лифт опять стоял внизу с открытыми дверями. Сын вошел, обнял меня одной рукой и сразу заглянул в лицо.

— Что случилось?

— Раздевайся. Проходи.

— Мам.

Он не снимал куртку. На лямке рюкзака остался след от дождя, волосы прилипли ко лбу. Я потянулась поправить их, но Кирилл перехватил мою руку.

— Пожалуйста, скажи.

— Папа вчера уехал. Он теперь будет жить отдельно.

Сын моргнул.

— В смысле?

Я почти рассмеялась. Вчера у меня были те же слова.

— У него другая женщина. Он к ней переехал.

Кирилл отпустил мою руку.

— Это он тебе сказал?

— Да.

— Прямо так?

— Прямо так.

Он прошел на кухню, не сняв куртки, и остановился у стола. Я пошла за ним. Мне хотелось, чтобы он сел, чтобы происходящее стало похоже на разговор, а не на известие о катастрофе.

— Может, вы поссорились? — спросил Кирилл.

— Нет. Я собирала ему вещи. Думала, командировка.

— Подожди. Как это вообще... У него кто-то есть?

Я кивнула. Повторять это вслух оказалось легче, чем произнести впервые.

Кирилл расстегнул куртку, стянул рюкзак и положил его на пол. Сел. Я налила ему воды и заметила, что делаю именно то, что мне нужно: привожу в порядок хотя бы его приезд.

— И давно?

— Он сказал, около полугода.

Сын выругался. Потом посмотрел на меня, словно собирался извиниться, но передумал.

— Кто она?

— Алина. Работает в каком-то деловом клубе. Занимается мероприятиями.

— Ты ее видела?

— Нет.

— Откуда он ее знает?

— Там познакомились. Кирилл, я знаю только то, что он вчера рассказал.

Сын взял стакан, не выпил, поставил обратно.

— А ей сколько?

Я посмотрела на его руки. Он крутил край бумажной салфетки между пальцами. В детстве так скручивал обертки от конфет, когда ждал неприятного разговора.

— Двадцать два.

Кирилл поднял голову.

— Ты серьезно?

Я не ответила.

— Двадцать два? — повторил он уже тише.

— Да.

Он откинулся на спинку стула. Некоторое время мы молчали. Дождь стучал по наружному подоконнику, и мне вдруг стало легче от того, что этот звук слышал кто-то еще.

— Я ему позвоню, — сказал сын.

— Позвони. Он просил сначала сообщить, что я рассказала тебе.

— Зачем?

— Не знаю. Он попросил.

Кирилл посмотрел на меня с неожиданной злостью.

— Он и это успел расписать?

— Кирилл, я не знаю, как нужно. Я вчера узнала. Я не умею... — Я запнулась. — Я просто не хотела, чтобы он сказал тебе, будто мы вместе так решили.

Сын опустил глаза.

— Прости. Я не на тебя.

Я достала телефон и написала Виктору: «Кирилл знает».

Ответ пришел почти сразу: «Хорошо».

Я убрала телефон прежде, чем сын успел его увидеть.

— Ты с ним еще поговоришь? — спросил он.

— О чем?

— Ну... так нельзя все закончить за вечер. Вы столько лет вместе. Может, он просто решил, что ему опять двадцать. Надо как-то...

Он осекся, подбирая слово.

— Переждать? — подсказала я.

— Не переждать. Поговорить нормально. Без обвинений. Чтобы он понял.

Я встала и взяла его стакан, хотя в нем оставалась вода.

— Мам, я не допил.

Я поставила стакан обратно слишком резко.

— Прости.

— Ты злишься?

— Да.

Он ссутулился.

— Я же помочь пытаюсь.

— Тогда почему разговаривать без обвинений должна я? Почему я должна подобрать слова, чтобы он понял, что у него есть жена?

Кирилл открыл рот и закрыл. Я видела, как он ищет ответ, и все равно не могла остановиться.

— Я вчера просила его остаться. До утра. Просто побыть дома. Он отказался. Теперь мне надо еще раз попросить? Другим тоном?

— Я этого не говорил.

— А что ты говорил?

— Я не знаю! — Кирилл стукнул ладонью по столу и тут же убрал руку. — Не знаю, мам. Я сюда ехал и думал, у вас с папой со здоровьем что-то. А ты мне... Я даже представить не могу. Я села напротив него.

Он смотрел в окно, сжав челюсти. Так был похож на Виктора, что у меня снова заболело под ребрами. Я знала, что это несправедливо к сыну. Ему не полагалось менять лицо из-за поступка отца.

— Я тоже, — сказала я. — Я тоже не могла представить.

Кирилл провел рукой по волосам.

— Вы же нормально жили. Я приезжал, мы ужинали. В феврале...

— Я помню.

— Он тебя за плечи обнимал. Мы еще фотографировались.

— Кирилл, пожалуйста.

Он замолчал.

Я взяла его салфетку и расправила на столе. Получилась тонкая белая веревочка, порванная в двух местах.

— Прости, что накричала. Ты не должен был угадывать, что мне сейчас можно говорить.

— Ты не кричала.

— Почти.

Он слабо улыбнулся.

— У тебя другой голос, когда ты кричишь.

Я тоже попыталась улыбнуться. Мы оба прекрасно помнили, каким голосом я однажды искала потерянный школьный аттестат, который Кирилл сам положил в коробку с настольной игрой.

— Я не хочу, чтобы вы с ним перестали общаться, — сказала я. — Он твой отец. Но просить его за меня не надо.

— А ты хочешь, чтобы он вернулся?

Ответ пришел так быстро, что я не успела придумать более достойный.

— Хочу.

Кирилл потянулся через стол и положил ладонь на мою руку. Я сжала его пальцы. На несколько секунд стало можно просто сидеть.

Потом он спросил, ела ли я. Я сказала, что утром пила кофе. Сын встал, открыл холодильник, посмотрел на кастрюлю.

— Это можно?

— Можно. Вчера сварила.

Он достал две тарелки. Я хотела объяснить, какую лучше взять, но промолчала. Кирилл налил суп не тем половником, которым я обычно пользовалась, поставил греться и нашел хлеб. Чесночные сухари оставались под полотенцем.

— Тут чеснок? — спросил он.

— Да.

— Отлично. Завтра со всеми разговаривать буду на расстоянии.

Я неожиданно фыркнула. Он обернулся, словно услышал что-то очень важное, но ничего не сказал.

Мы поели. На этот раз я смогла проглотить почти половину тарелки.

Перед уходом Кирилл все-таки позвонил Виктору. Вышел на балкон, прикрыл дверь. Я слышала только отдельные слова и нарочно включила воду, начала мыть посуду. Когда сын вернулся, лицо у него было растерянное.

— Он говорит, что давно собирался, — сказал он.

— Да.

— И что между вами это не вчера началось.

Я вытерла руки.

— Наверное, не вчера. Только мне он вчера сообщил.

Кирилл кивнул. Потом спросил:

— Мне остаться?

Я хотела сказать «да» и уже видела, как стелю ему на диване. Но у него утром были свои дела, а я не знала, смогу ли спать, если придется прислушиваться еще и к его дыханию за стеной.

— Наташа сейчас приедет. Езжай.

— Я завтра позвоню.

— Позвони.

Он обнял меня в прихожей крепче, чем при встрече. Я прижалась лбом к его плечу и заметила, что куртка уже высохла.

— Ты только трубку бери, — сказал он.

— Буду.

Наташа приехала с двумя пакетами и длинной коробкой ниток.

— Я не могла понять оттенок по фотографии, — сказала она вместо приветствия. — Взяла все зеленое. Если он все-таки бирюзовый, буду ругаться.

Я приняла пакет, и у него тут же оторвалась ручка. Апельсины покатались по прихожей. Мы обе нагнулись, столкнулись лбами и замерли, держась за головы.

— Отличное начало, — сказала Наташа.

Я засмеялась. Смех сразу перешел в слезы, я не успела даже отвернуться. Наташа подхватила последний апельсин, положила на тумбу и обняла меня.

Она пахла улицей, тканью и своим резким мятым леденцом. Я вцепилась в ее куртку, а она стояла, не похлопывая меня по спине и ничего не объясняя.

— Ну вот, — сказала я наконец. — Я тебе все испачкала.

— У меня куртка из ткани, которая пережила двух клиентов с кофе. Ты ей не страшна.

Мы прошли на кухню. Наташа выложила продукты, открыла холодильник и посмотрела на кастрюлю.

— Это сколько дней у тебя?

— Со вчера.

— Хорошо. Курицу в морозилку, творог оставим. Ты умеешь есть творог без того, чтобы сначала изобразить сырники?

— Умею.

— Проверяю. А то некоторые очень талантливые женщины считают, что еду нужно сначала заслужить трудом.

Я не ответила. Она поставила чайник и заметила платье.

— Показывай беду.

Мы разложили подол на столе. Наташа провела пальцем по строчке, нашла место, где я остановилась.

— Ничего страшного. Ты вовремя бросила. Давай я распушу, а ты потом спокойно наме-таешь.

— Я сама могу.

— Можешь. Только я тоже могу. Дай свет.

Я принесла настольную лампу из спальни. Наташа сняла очки, протерла стекла краем футболки и надела обратно. Оправа съехала на кончик носа.

— Вот теперь я похожа на строгого завуча. Мне еще указку и человека, который боится геометрии.

— Ты сама боишься геометрии.

— Поэтому у нас с ней уважительные отношения. Мы стараемся не встречаться.

Я поставила перед ней чай. Несколько минут мы молча занимались платьем: она распарывала, я выбирала нитку. Из шести катушек подошла та, которая на первый взгляд казалась слишком темной.

— Расскажи, — сказала Наташа, не поднимая головы. — Только если можешь.

Я рассказала. Про чемодан, возраст, квартиру, про то, как попросила его остаться. На этом месте голос снова дрогнул.

— Я еще предложила сама уехать. Представляешь? Из своего дома. Чтобы ему было удобнее подумать.

Наташа отложила распарыватель.

— Представляю.

— Ты бы так не стала.

— Я не знаю, что бы я стала. Я сегодня одному клиенту пятнадцать минут объясняла, почему мы не можем сделать пиджак шире без ткани. В конце почти согласилась выдумать ему новую ткань. А тут двадцать четыре года.

Я посмотрела на подол.

— Мне стыдно.

— Перед кем?

— Перед тобой. Перед собой. Он стоял уже в пальто, а я все смотрела, поцелует или нет. Наташа протянула мне очищенный от строчки край.

— Мне ты можешь это рассказывать. Я не буду пересказывать и делать большие глаза.

Она не добавила, что я сильная или что завтра станет легче. Я была ей за это благодарна.

— Ты его знала, — сказала я. — Столько лет. Ты могла такое представить?

— Нет.

— Может, я чего-то не замечала?

Наташа сняла очки.

— Наверное, не замечала. Он ведь скрывал. Но я не хочу сейчас вспоминать каждую его улыбку и объявлять, что давно все понимала. Не понимала я.

Я наметала первый участок, приложила линейку. Руки уже не дрожали так сильно.

— Ей двадцать два, — повторила я.

— Я слышала.

— У меня в этом возрасте был ребенок. Я вообще не помню, как выглядела. Только что все время хотелось спать.

— Ты выглядела хорошо. У тебя были совершенно ужасные рыжие сапоги, но сама ты выглядела хорошо.

— Они были коричневые.

— Они были цвета морковного супа. Я до сих пор их помню.

Я улыбнулась, а потом снова вспомнила Виктора с Алиной в чужой квартире. Они могли сейчас ужинать. Она могла не знать, что он не любит сладкий перец в супе, и он мог спокойно его есть.

— Я ничего не могу делать, — сказала я. — Вот это платье. Я же умею. А сегодня как будто впервые села.

Наташа посмотрела на наметку.

— Сейчас делаешь ровно. Устала ты. И не спала.

— Мне надо работать.

— Надо, — согласилась она. — Только не прямо до обморока. У меня к тебе предложение, но ты не должна отвечать сегодня.

Я насторожилась.

— Какое?

— Несколько смен в ателье. Света уходит на неполную неделю, у дочери малыш родился. Я пока беру все сама, но к маю мы так утонем. Мне нужен человек на подгонку и ремонт. Без раскроя сложных вещей, без обещаний сшить свадебное платье к завтрашнему утру.

Я отвела глаза.

— Наташ, не надо из жалости.

— Я из жалости могу привезти курицу. На зарплату из жалости у меня денег нет.

Она сказала это без обиды. Потом достала телефон и показала календарь. Цветные полосы стояли почти в каждом дне.

— Вот выдачи. Вот примерки. Вон та дама вчера принесла восемь пар брюк и спросила, можно ли сегодня. Восемь, Лен. У меня за всю жизнь, наверное, столько брюк не было одновременно.

— У меня тоже.

— И вот это все ждет, пока я перестану заниматься приемкой, отвечать поставщикам и спорить с человеком, который считает, что наша вывеска загораживает ему солнце.

Я провела пальцем по краю стола.

— А если я опять ошибусь?

— Исправишь. Я тоже ошибаюсь. Сегодня записала женщину на примерку в свой выходной. Теперь у меня нет выходного, зато есть женщина с прекрасной памятью.

— Я давно не работала целый день.

— Поэтому сначала одна смена. С десяти до четырех. Посмотришь, как у нас устроено. За день заплачу. Если захочешь дальше, договоримся о графике.

Она назвала сумму. Я начала считать, сколько это получится за неделю, и тут же поймала себя на том, что впервые за день думаю о чем-то, чего Виктор не решал заранее.

— Мне нужно будет разобраться с заказами дома.

— Разберись. Я не говорю приходить завтра. Двадцать второго сможешь? У меня как раз две выдачи и сложная примерка.

Я попросила время подумать. Наташа согласилась и больше не возвращалась к работе, пока мы не закончили платье.

За машинкой я сидела сама. Она устроилась рядом с чашкой чая и рассказывала про вывеску. Человек, которому она мешала, жил на четвертом этаже, а вывеска находилась над дверью в полуподвал. Я слушала, смеялась в нужных местах и следила за тканью.

В какой-то момент машинка заработала ровно. Я перестала каждую минуту смотреть на телефон.

Наташа проверила шов, кивнула и попросила утюг. Я хотела возразить, но она сказала:

— Ты завтра вези. Я сегодня поглажу. Давай хоть так поделим прекрасную возможность бесплатно доставлять заказы по городу.

— Я сама предложила.

— Я знаю. Ты всегда сама предлагаешь самое неудобное.

Я уже открыла рот, чтобы спорить, и закрыла. Наташа подняла на меня глаза. Мы обе засмеялись.

Она уехала ближе к одиннадцати. Предложила остаться, но я отказалась. Мне хотелось лечь и никому не объяснять, почему я снова встаю. Перед уходом Наташа обняла меня и сказала, чтобы я звонила, если совсем невмоготу. Без обещания сидеть с телефоном всю ночь. Просто сказала, что можно звонить.

Наутро я отвезла платье. Клиентка вышла к подъезду уже с уложенными волосами, подняла чехол на свет и спросила, можно ли проверить дома.

— Конечно. Я подожду, — сказала я.

Она вернулась через семь минут, довольная. Доплатила остаток, предложила деньги за доставку. Я начала отказываться, потом сказала спасибо и взяла. По дороге домой купила хлеб и творог. Никаких больших перемен не произошло. Но в сумке лежали деньги, которые я заработала и не испортила своей ошибкой.

Виктор позвонил на следующий день, когда я меняла постельное белье. Простыня не хотела натягиваться на дальний угол матраса. Я тянула ее обеими руками, услышала мелодию и бросила все, даже не распрямившись.

— Да?

— Привет. Ты дома?

Сердце забилось так сильно, что стало трудно держать телефон.

— Дома.

— Как ты?

— Нормально, — ответила я. И тут же разозлилась на себя за это слово. — То есть не очень. Работаю понемногу.

— Это хорошо.

Он говорил мягче, чем в тот вечер. Я села на край матраса, придерживая незаправленную простыню. Подумала, что нужно умыться. Волосы были собраны кое-как, на щеке мог остаться след от подушки: я прилегла днем и задремала.

— Я могу заехать? — спросил Виктор.

— Можешь.

Ответила слишком быстро. Захотелось добавить что-нибудь спокойное, но я боялась испортить момент.

— Через полчаса, примерно. Заберу чехлы с формой и зарядку от бритвы. Ее, кажется, в тумбочке оставил.

Я посмотрела на подушку в голом белом напернике.

— А.

— Что?

— Ничего. Забирай.

— Ты не посмотришь, она там? Черная, с коротким проводом.

Я знала, какая. Купила ее вместо потерянной три года назад и потом еще неделю слушала, почему новая лучше старой.

— Посмотрю.

— И папка с документами на машину. В нижнем ящике, под страховками.

Он перечислял, а я кивала, хотя он не мог этого видеть. Зарядка, папка, два чехла. Ему требовались вещи, и он заранее позвонил, как я попросила. Все было правильно.

— Ты надолго? — спросила я.

На другом конце возникла пауза.

— Нет. Заберу и поеду. У меня сегодня дела.

— Понятно.

— Лена, ты точно нормально себя чувствуешь?

Я посмотрела на свою руку. На пальце было кольцо, под ним — белая полоска кожи, которую я увидела, когда случайно его сдвинула.

— Я поняла, что ты за вещами. Все хорошо.

Он выдохнул.

— Не надо так.

Я не спросила, как именно. Если бы начала, мы вернулись бы к тому вечеру, а мне казалось, что второго такого разговора я пока не выдержу.

— Я приготовлю. До встречи.

Он сказал «до встречи» в ответ. Обычные слова, которыми мы заканчивали тысячи звонков.

Я нашла зарядку и папку. Поставила чехлы у двери, проверила карманы его куртки, оставшейся на вешалке, хотя он ее не просил. В кармане лежала старая квитанция из химчистки. Я развернула, прочитала дату, скомкала и бросила в мусор.

Умыться все-таки пошла. Потом надела джинсы и чистый свитер. В зеркало посмотрела только один раз.

Виктор приехал через сорок минут. Позвонил в дверь, хотя ключи у него были. Я открыла и сразу отступила, чтобы он мог пройти. Он остался в прихожей.

— Спасибо, — сказал он, увидев вещи.

— Зарядка в пакете. Папка тоже.

Он приподнял чехлы, проверил, удобно ли держать.

— Я потом за остальным. Пока не горит.

— Хорошо.

Мы посмотрели друг на друга. Мне хотелось спросить, как он спал эти три ночи, что ел утром, скучал ли хотя бы немного. Я вместо этого спросила, разговаривал ли он с матерью.

— Еще нет. Скажу на неделе.

— Скажи сам.

— Конечно.

Он ушел через пять минут. Я осталась в чистом свитере посреди прихожей, и мне было так обидно, что я не сразу смогла вернуться в спальню.

Простыня все еще не была натянута. Я обошла кровать с другой стороны, подтянула угол и только тогда заметила, что взяла комплект не того размера. Маленький мы стелили на диван, когда приезжали гости.

Я села на пол и засмеялась. Тихо, без веселья. Потом достала нужную простыню.

До восемнадцатого апреля я несколько раз открывала Наташину переписку, чтобы согласиться на смену, и всякий раз закрывала. Казалось, если начать ходить на работу, придется признать, что прежний распорядок не вернется сам. Я еще продолжала проверять, не написал ли Виктор, и прислушивалась к шагам за дверью.

Вечером я все-таки набрала: «Двадцать второго приду. К десяти, как договаривались».

Наташа ответила: «Жду. Удобную обувь возьми. И обед, если не хочешь жить на моих сухарях».

Я поставила будильник, хотя до смены оставалось несколько дней. Потом полезла в шкаф за низкими туфлями и нашла в одной из них прошлогодний билет в кино. На обороте Виктор когда-то записал, где припарковал машину.

Билет я положила в ящик. Туфли протерла влажной тряпкой и оставила у двери сохнуть.

Глава 3. Такая внимательность

В ателье я пришла на двадцать минут раньше и пять минут простояла перед закрытой дверью, пока не заметила записку: «Звонок справа. Нажимать сильно».

Нажала. За дверью что-то загрохотало, потом появился звук шагов.

Наташа открыла с рулоном ткани под мышкой.

— Ты чего так рано?

— Боялась опоздать.

— Я тоже. Поэтому живу здесь с девяти. Проходи, только через рулон не переступай, он любит мстить.

Помещение я знала, но раньше заходила со стороны клиентов. Теперь Наташа провела меня за занавеску, показала шкафчик, вешалку, маленький стол возле чайника. За рабочими столами лежали куски ткани, пакеты с фурнитурой, чехлы. На стене висел большой календарь с пометками трех цветов.

— Света сегодня к обеду. Пока мы вдвоем. Вот твое место. Лампу можно ближе подвинуть, pedal под столом не уедет, я ее приклеила.

Я переобулась, положила в шкафчик контейнер с обедом и достала свои ножницы. Наташа посмотрела на них одобрительно.

— Хорошие. Наши общие все время исчезают в другом измерении. Только подпиши.

— Чем?

Она протянула маркер.

— Пиши имя. А то я потом искренне буду уверена, что они мои.

Я написала на внутренней стороне ручки маленькое «Е». Рядом с буквой осталась точка: маркер сначала не хотел писать.

Первый заказ был простой — укоротить мужские брюки. Я внимательно прочитала квитанцию, проверила длину, спросила, оставлять ли старый низ.

— Как удобнее и аккуратнее, — сказала Наташа. — Здесь все промерено. Только карманы проверь, вдруг опять клад.

В кармане лежал чек из аптеки. Я положила его в пакет к заказу.

Через сорок минут брюки были готовы. Я отутюжила стрелки, проверила, не осталось ли на ткани блестящих следов, и повесила на отдельную стойку.

— Хорошо, — сказала Наташа. — Теперь выдачу отметить.

Я потянулась к следующему пакету.

— Сначала отметить, — повторила она. — Иначе вечером будем вспоминать, чьи это брюки и почему они уже готовы.

Я взяла ручку. В журнале было несколько столбцов, и я едва не записала готовность в графу оплаты.

Наташа молча подставила палец под нужное место. Мне стало жарко.

— Я сейчас разберусь.

— Разберешься. Здесь все поначалу промахиваются.

В десять сорок пришла женщина в длинном плаще. Под плащом было платье с кружевной вставкой на спине. Она собиралась выступить на конференции и хотела, чтобы оно не топорщилось у плеч.

Наташа ушла принимать доставку, попросив меня посмотреть посадку. Я провела клиентку к зеркалу, подала туфли, которые та принесла с собой, и стала закалывать лишнее.

— Вот так гораздо лучше, — сказала женщина. — А завтра можно забрать?

Я еще держала булавку у бокового шва.

— Думаю, да.

— Отлично. У меня потом уже времени не будет.

Она улыбнулась с таким облегчением, что я улыбнулась в ответ. Затем заметила, как устроена подкладка. Чтобы добраться до нужного места, придется распустить не один шов. Кружевная вставка тоже тянула ткань и требовала переделки.

Наташа вернулась с накладной.

— Как у вас?

— Елена обещала к завтрашнему дню, — сказала клиентка. — Я прямо спасена.

Наташа посмотрела на меня, потом на платье.

— Давайте сначала уточним объем работы.

Я почувствовала себя школьницей, которую поймали за списыванием. Пока Наташа осматривала швы, я держала коробочку с булавками и мысленно пыталась втиснуть переделку между остальными заказами. Можно было взять домой. Посидеть ночью. Я все равно плохо спала.

— Завтра не обещаем, — сказала Наташа. — Послезавтра после четырех. Если вам нужно раньше, лучше оставить только коррекцию плеч, но здесь останется складка.

Женщина повернулась боком к зеркалу.

— Нет, складку не хочу.

— Тогда послезавтра.

— Но вы же сказали...

— Я не учла подкладку, — вмешалась я. — Простите. Сейчас посмотрела внимательнее. Быстро сделать аккуратно не получится.

Женщина перевела взгляд на меня. Я ждала раздражения, но она только вздохнула.

— Ладно. Конференция через неделю. Просто я собиралась завтра по пути заехать.

Я кивнула и записала срок. Так просто. Она не перестала быть нашим клиентом, платье не пришлось шить ночью, а я все равно еще минут десять чувствовала стыд.

Когда дверь закрылась, Наташа положила квитанцию на стол.

— Не забирай домой, — сказала она.

Я подняла голову.

— Я не говорила, что заберу.

— У тебя лицо человека, который уже расстелил ткань на кухне.

Я села.

— Мне неудобно, что пришлось переделывать договоренность.

— Мне тоже неудобно. Поэтому сначала смотрим все швы, потом называем срок. Ты умеешь работать. Теперь надо научиться оставлять для работы время.

В ее голосе не было утешения. Я неожиданно обрадовалась этому: она разговаривала со мной как с мастером, который допустил ошибку, а не как с брошенной женой, которой нельзя ничего сказать.

К обеду пришла Света. Невысокая женщина с короткой стрижкой, сильными руками и привычкой ставить чашку в такое место, где ее обязательно кто-нибудь заденет. Она показала, какой уют оставляет капли, где лежат запасные иглы и почему нижний ящик лучше открывать ногой.

— У Натальи Игоревны все починено, — сказала она серьезно. — Просто не все об этом знает.

— Я слышу, — отозвалась Наташа.

— Я и рассказываю для всех.

За обедом они обсуждали поставщика молний. Я сидела рядом, ела свою гречку и в какой-то момент поняла, что уже полтора часа не проверяла телефон.

От этой мысли стало тревожно. Я тут же достала его.

Виктор не писал. Было сообщение от Кирилла: «Как первый день?»

Я сфотографировала стол и отправила: «Пока никого не уколола. Кроме себя».

Он прислал смеющийся значок и спросил, во сколько я освобожусь. Я ответила, что в четыре, и впервые за много дней это время означало что-то определенное.

Платье мы выдали в обещанный срок. Женщина покрутилась перед зеркалом, подняла руки, села на стул, проверяя, не тянет ли подкладка.

— Вот теперь мое, — сказала она.

Я стояла сбоку с остатками ниток в ладони и смотрела на ровную линию плеч. Устала так, что гудела шея, но мне хотелось еще раз проверить посадку. Клиентка поймала мой взгляд в зеркале.

— Спасибо. Правда, хорошо получилось.

Я ответила не сразу.

— Носите с удовольствием.

Вечером Наташа перевела деньги за первые смены. Я открыла банковское приложение, посмотрела на две последние суммы — от нее и от Виктора — и закрыла. Сравнивать их было бессмысленно. Но в ателье я знала, за что мне заплатили.

К концу апреля у меня появился рабочий фартук. Наташа нашла его в шкафу, я укоротила бретель и переставила карман, чтобы не тянуться за карандашом. Света сказала, что теперь я официально могу ругать чужую строчку.

Я уже знала, кто из клиентов любит поговорить, кто торопится еще с порога и кому нельзя говорить «примерьте», пока он не закончил подробный рассказ о покупке. Иногда уставала от голосов. Иногда они спасали от тишины, которая ждала дома.

В последний день апреля я стояла на коленях возле низкой полки и искала пакет с готовыми брюками. Сверху лежали четыре почти одинаковых заказа. Я успела придумать несколько неприятных слов в адрес человека, который положил их не по номерам, когда над головой раздалось:

— Если это тайное хранилище, я подожду за дверью.

Я подняла лицо.

У стойки стоял Андрей Крылов. В темной куртке, с папкой под мышкой, с той же чуть насмешливой складкой возле рта, которую я помнила по общим застольям. Волосы у висков поседели, но сам он почти не изменился. Разве что стал шире в плечах или мне так показалось из неудобного положения у пола.

— Андрей?

— Елена? — Он посмотрел на мой фартук. — А я думал, голос знакомый.

Я встала слишком быстро, ударилась плечом о край стойки и поморщилась.

— Осторожно, тут низко, — сказал он и тут же усмехнулся. — Своевременное предупреждение. Могу еще сказать, что на улице дождь.

— Спасибо. Я уже заметила оба обстоятельства.

Он улыбнулся.

Мы не виделись, наверное, года два. Раньше встречались у общих знакомых, на днях рождения, несколько раз ездили компанией за город. Андрей всегда умел занять себя: разжечь мангал, поправить провисшую дверь, уйти гулять, когда застолье становилось слишком шумным. Я знала, что он инженер, что давно разведен и что у него есть взрослая дочь. Больше почти ничего.

— Ты здесь теперь работаешь? — спросил он.

— Пробую.

— А я здесь брюки укорачиваю уже лет пять. Получается, не туда смотрел.

— Я только недавно начала.

Он протянул квитанцию. Номер был как раз тот, который я искала.

— Ваше тайное хранилище придется вскрыть еще раз, — сказала я.

— Могу помочь с раскопками.

— Не надо. Если ты встанешь на колени, Наташа решит, что мы повредили очень дорогие брюки.

Андрей рассмеялся. Я нашла пакет, развернула его на стойке и показала готовый низ.

— Примеришь? Там свободно.

Он ушел за занавеску. Я повесила куртку на крючок и взяла папку, которую он оставил на краю стойки, чтобы не упала. Из нее торчал лист с планом какого-то здания. Я положила папку ровнее.

— Здесь в этих туфлях нормально? — спросил Андрей, выходя.

Я присела, посмотрела длину. Он стоял спокойно, не переминался, не пытался помочь поворотом ноги, как делали многие мужчины.

— Нормально. Пройди пару шагов.

Он прошел, остановился у зеркала.

— Теперь у меня вид человека, который купил свой размер.

— Так и было задумано.

— Впечатляет. Обычно все планы заканчиваются иначе.

Я подняла глаза.

— Особенно планы по установке мангала.

Он на секунду замер, потом улыбка стала шире.

— Ты до сих пор помнишь?

— Ты полчаса выбирал направление ветра. А мясо потом жарили у забора.

— Потому что кто-то перенес стол.

— Потому что ты поставил его на муравейник.

Андрей покачал головой.

— Прошло пятнадцать лет. Человеку пора дать шанс исправиться.

Я засмеялась. В тот день Виктор уехал по делам еще до обеда, а мы остались на даче у знакомых. Андрей пытался устроить все так, чтобы дым никому не мешал, и в итоге окурив единственного человека, который вообще не ел мяса. Я давно не вспоминала этот эпизод.

Андрей вернулся в примерочную. Я записала выдачу, нашла упаковочный пакет. Из мастерской вышла Наташа.

— Крылов, если опять хочешь, чтобы я расширила карманы под твой телефон, сразу говорю: купи телефон поменьше.

— У меня рабочие схемы, — отозвался он из-за занавески.

— У всех оправдания. У одной дамы тоже был рабочий кот, который порвал подкладку. Я улыбнулась. Наташа посмотрела на меня, ничего не спросила и вернулась к столу.

Андрей положил на стойку еще один пакет.

— Я пиджак принес. Можно глянуть рукав? Стал цеплять большие пальцы.

— Пиджак вырос? — спросила я.

— Возможно, я уменьшился от ответственности.

Он надел пиджак. Я попросила опустить руки и расправила ткань у плеча. От него пахло свежим воздухом и чем-то древесным, совсем не похожим на Викторов одеколон. Я заметила это и тут же рассердилась на себя. Запах был просто запахом.

Рукав действительно был длинноват. Я отметила место булавкой, показала в зеркале.

— Так удобнее?

— Да. Только без героических сроков. Мне в нем не завтра на сцену.

— Через три недели устроит? Сейчас много заказов перед праздниками.

— Вполне.

Я записала его номер. Он продиктовал, хотя мог просто оставить старую карточку клиента. Мне было проще слушать цифры, чем замечать, как близко он стоит.

— Как Виктор? — спросил он, пока я писала фамилию.

Карандаш остановился на последней букве.

— Мы разошлись.

Андрей перестал складывать квитанцию.

— Не знал.

— Недавно.

Он кивнул. Не спросил, почему. Не сказал, что все образуется. Несколько секунд постоял молча, потом уточнил:

— Тебе удобно, что я спросил здесь? Прости, я не подумал.

Я посмотрела на пустую приемную. Никто не подслушивал, но я была благодарна даже за то, что он это заметил.

— Нормально. Мне придется как-то отвечать на этот вопрос.

— Не обязательно подробно.

Я протянула квитанцию.

— Я и не стала.

Он принял ее и спокойно сказал:

— Да. Спасибо за брюки.

Я хотела объяснить, что подшивала их Света, а я только выдала, но слова застряли. Андрей уже надевал куртку. Он не изменился в лице, не начал смотреть на меня с особенной осторожностью. Я снова была женщиной за стойкой, которая записала его заказ, и это оказалось неожиданно приятно.

У двери он оглянулся.

— Рад был тебя увидеть, Лен.

— Я тоже.

Он ушел. Я еще несколько секунд держала в руках карандаш, затем поставила дату выдачи в нужной графе. В этот раз не перепутала.

Наташа появилась за спиной почти бесшумно.

— Вы знакомы?

— Давно. По общей компании.

— А я думаю, что это он так долго брюки получает. Обычно забирает, надевает на лицо выражение благодарного заказчика и бежит.

— Мы про мангал вспомнили.

— У каждого своя романтика.

Я резко повернулась.

— Наташа.

Она подняла ладонь.

— Все. Это была обычная глупая шутка. Давай лучше пиджак уберем, пока я не села на твои булавки.

Я убрала пиджак и еще долго чувствовала смущение. Вечером, когда доставала из сумки фартук, поймала себя на том, что вспоминаю не Викторов уход, а то, как Андрей сказал: «Рад был тебя увидеть». Без обещания помочь и без сожаления в голосе.

Это не помешало мне перед сном проверить, когда Виктор последний раз был в сети.

В мае потеплело. Я начала ходить от ателье до остановки пешком, через небольшой сквер. Там продавали рассаду, пахло мокрой землей, и женщины спорили о сортах помидоров с такой уверенностью, которой мне не хватало даже для выбора ужина.

Двенадцатого мая Наташа предложила после смены выпить кофе. Я собиралась домой: нужно было постирать, купить губки для посуды, посмотреть, что осталось в холодильнике. Она выслушала этот список и спросила:

— Если ты придешь на сорок минут позже, губки будут обижены?

— Очень.

— Тогда купим им пирожное.

Мы зашли в кафе возле сквера. Я бывала там несколько раз, но давно. Внутри передвинули столики и поставили у окна большое растение, за которым теперь прятался целый столик. Официантка махнула нам к свободному месту у стены.

Я расстегнула плащ, повернулась, чтобы повесить сумку, и увидела Виктора.

Он сидел через три столика от нас. Без пиджака, в светлой рубашке с расстегнутым воротом. Наклонился к женщине напротив, слушая ее, и улыбался так открыто, что я сначала не узнала выражение лица.

Потом увидела ее руку на столе. Тонкие пальцы, короткие светлые ногти, маленькое кольцо на указательном. Виктор взял эту руку, что-то сказал и погладил большим пальцем костяшки.

Я остановилась с плащом в руках.

Наташа посмотрела туда же.

— Лен, пойдем в другое место, — сказала она тихо.

Я не ответила.

Алина повернулась к официанту. Я поняла, что это она, сразу, хотя могла бы ошибиться. Светлые волосы падали на плечи мягкими волнами, на губах блестел почти прозрачный блеск. Она была в простом светлом жакете поверх голубого топа. Красивой. Не вызывающе, не нарочно для того, чтобы сделать мне больно. Просто красивой молодой женщиной, которая сидела с моим мужем и чувствовала себя на своем месте.

Я успела увидеть линию ее шеи, ровную кожу, легкость, с которой она подняла руку, убирая волосы. Тут же вспомнила, как утром выбирала шарф, потому что мне не нравился ворот блузки.

— Лена, — позвала Наташа.

— Сядем, — сказала я.

Она посмотрела внимательно, но спорить не стала. Мы заняли столик у стены. Отсюда Виктор был виден вполоборота.

Я положила плащ на соседний стул. Официантка принесла меню и спросила, что будем пить.

— Кофе, — ответила я.

— Какой?

Я уставилась на нее.

Наташа заказала за себя, потом показала мне строчку.

— Тебе обычный с молоком?

— Да. Такой.

Официантка ушла. Наташа наклонилась ко мне.

— Ты не обязана здесь сидеть.

— Я знаю.

Я не знала, зачем осталась. Возможно, боялась, что если уйду, они продолжат смеяться, а я снова окажусь человеком, которому ничего не показывают. Мне хотелось увидеть, что именно я потеряла, хотя каждый новый взгляд делал больше.

Алина что-то объясняла, двигая руками. Я не слышала всех слов, только «они опять поменяли время» и «я не могу за всех отвечать». Виктор слушал, не перебивая. Когда у него загорелся телефон, он посмотрел на экран и перевернул его.

Я слишком хорошо знала этот телефон. За нашим столом он мог вибрировать до конца ужина, и каждое сообщение оказывалось важнее того, что я рассказывала. Я уже научилась выбирать короткие истории, без лишних подробностей, чтобы успеть до следующего звонка.

— Лен, посмотри на меня, — сказала Наташа.

Я повернулась.

— Я смотрю.

— Скажи, что тебе сейчас нужно.

— Не знаю.

Она кивнула и придвинула ко мне стакан воды. Я взяла его обеими руками.

Официант принес к их столику две тарелки. Алина удивилась, потом улыбнулась и что-то сказала. Виктор поднял руку, подозвал официанта обратно.

— Простите, мы хотели с ягодами, — услышала я. — Можно поменять? Я, наверное, не так сказал.

Официант забрал тарелку. Алина качнула головой, будто замена была необязательной, а Виктор засмеялся и снова потянулся к ее руке.

Я вспомнила кафе у вокзала много лет назад. Мы тогда только поженились, ехали в новый гарнизон. Мне принесли холодный пирог, я ковыряла его вилкой, стесняясь позвать продавщицу. Виктор сам подошел к стойке и попросил подогреть. Вернулся с горячей тарелкой, довольный собой, и я весь оставшийся путь думала, какой он внимательный.

Никуда это в нем не делось.

Я поставила стакан. Вода качнулась и пролилась на блюдце.

— Он умеет, — сказала я.

Наташа не переспросила.

— Умеет быть внимательным. Я думала, он просто устал от всего. От людей, от разговоров. Он же все время говорил, сколько у него работы.

— Я помню.

— А сейчас ему интересно.

Наташа посмотрела на стол.

— Да, — сказала она негромко.

Мне хотелось, чтобы она возразила. Сказала, что он притворяется, что это спектакль, что молодая женщина ему надоест через месяц. Наташа не сказала ничего такого.

Виктор поднял глаза и увидел меня.

Улыбка исчезла не сразу. На лице осталось растерянное движение, как будто он еще не успел решить, каким должен стать теперь. Я смотрела прямо, хотя внутри все сжалось.

Алина заметила его взгляд и обернулась.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга. Она, кажется, поняла раньше, чем он успел что-то объяснить. Ее рука осталась на столе, но пальцы чуть согнулись.

Виктор встал.

— Лена, — сказал он, подходя. — Здравствуй. Наталья.

— Здравствуй, — ответила Наташа.

Я кивнула.

Он остановился возле нашего стола. Слишком близко, чтобы можно было сделать вид, что мы просто знакомые, и слишком далеко, чтобы положить руку мне на плечо. Я вдруг поняла, что он не знает, как себя вести, и от этого не стало легче.

— Вы после работы? — спросил он.

Я посмотрела на свой плащ, на сумку с контейнером, на рабочий пакет, который держала Наташа.

— Да.

— Ты уже постоянно у Наташи?

— Пока несколько дней в неделю.

— Хорошо, — сказал он. — Тебе полезно отвлекаться.

Наташа чуть подняла голову. Я опередила ее:

— Я работаю.

Виктор посмотрел на меня.

— Я это и имел в виду.

Из-за его плеча я видела Алину. Она не улыбалась и не торжествовала. Просто сидела с прямой спиной и ждала, когда он вернется. Мне хотелось ненавидеть ее за что-нибудь определенное: за взгляд, за жест, за неправильное слово. Но она молчала, и я оставалась с тем, что сделал Виктор.

— Как Кирилл? — спросил он.

— Ты с ним разговаривал позавчера.

— Да. Я просто...

Официантка подошла с нашим кофе и остановилась, не понимая, куда поставить чашки. Виктор отступил.

— Я не буду мешать. Если нужно что-то обсудить, позвони.

Я кивнула еще раз.

Когда он вернулся к своему столику, Алина подняла на него лицо. Он что-то сказал, она коротко ответила. Я отвернулась раньше, чем увидела, взял ли он снова ее руку.

Кофе пах хорошо. Я поднесла чашку, сделала глоток и обожгла язык.

— Давай счет попросим, — сказала я.

Наташа уже подняла руку.

Я достала карту, но пальцы не слушались. Карта выскользнула, упала между стулом и стеной. Я нагнулась, ударились лбом о край стола, выпрямилась и замерла.

— Подожди, я достану, — сказала Наташа.

Мне хотелось исчезнуть. Только что я смогла ответить Виктору почти спокойно, а теперь сидела, прижав ладонь ко лбу, и не могла даже заплатить за кофе.

Наташа достала карту, положила передо мной, не комментируя. Я приложила ее к терминалу. Официантка пожелала хорошего вечера.

На улице я сразу застегнула плащ до горла. Было тепло, люди шли без курток, но меня знобило.

Мы дошли до сквера и сели на скамейку. Наташа положила свой пакет между нами. Где-то за деревьями ребенок громко требовал мороженое. Его мать отвечала, что сначала надо поесть нормально.

— Я не должна была там оставаться, — сказала я.

— Ты не могла знать, как перенесешь.

— Могла. Все было понятно.

Наташа немного помолчала.

— Хочешь, я сейчас скажу, что она страшная и он сошел с ума?

Я посмотрела на нее и неожиданно улыбнулась.

— Хочу.

— Не получится. Она красивая. А он отлично понимал, куда идет.

Улыбка пропала.

— Спасибо за честность.

— Ты сама бы мне не поверила. Через пять минут спросила бы, зачем я вру.

Это было правдой. Я вытащила из сумки салфетку и прижала к глазам.

— Я на нее смотрела и думала, что у меня все какое-то не такое. Шея, волосы, руки. Даже как я сажусь. Осторожно, чтобы колено не подвернуть.

— Ты сегодня пять часов стояла на примерках. У тебя ноги устали.

— У нее тоже, наверное, устают. Только он ей все равно пирог меняет.

Наташа вздохнула.

Я понимала, что говорю несправедливые вещи. Возраст был самой простой причиной, за которую можно было уцепиться. Если дело только в возрасте, я проиграла заранее и ничего не могла сделать. Если дело в выборе Виктора, придется перестать ждать, что все пройдет само.

— Когда мы приехали в первый гарнизон, он мне сапоги сушил, — сказала я. — Я провалилась в снег по колено, пока искала магазин. Пришла злая, мокрая. Он поставил их к печке, а сам пошел за хлебом. И принес еще банку персиков. Знал, что я люблю.

— Ты рассказывала.

— Я помню, как он на меня смотрел. Я сегодня этот взгляд увидела.

Наташа положила руку мне на спину. Я наклонилась вперед, уперлась локтями в колени и некоторое время просто дышала.

Потом мы поговорили о завтрашних заказах. Не потому, что стало легче. Нужно было дожидаться, пока перестанет трясти, и добраться до дома.

Дома я не стала включать верхний свет. Сняла плащ, повесила его рядом с Викторовой курткой, которую он еще не забрал, и остановилась. Уже больше месяца я оставляла ей то же место. Как будто он мог прийти, надеть и спросить, что купить к ужину.

Я перевесила куртку в шкаф. Никакого облегчения не почувствовала. Просто в прихожей стало свободнее.

В холодильнике лежали яйца, творог и половина огурца. Я пожарила омлет, ела стоя, потом заставила себя сесть. В кафе я почти не притронулась к кофе, и теперь болела голова.

Виктор написал около девяти: «Не ожидал вас там увидеть. Надеюсь, ты нормально добралась».

Я посмотрела на сообщение. Хотелось спросить, хорошо ли он провел вечер. Понравился ли Алине пирог. Не испортила ли я ей настроение своим присутствием.

Я набрала первую фразу, прочитала и стерла. Потом вторую. Ее тоже стерла.

Вместо ответа открыла закладки. Написала сверху «Развод» и долго смотрела на это слово.

Раньше оно относилось к другим людям. К женщине из соседнего подъезда, которая сменила фамилию на домофоне. К приятелю Виктора, чьи дети по очереди жили у родителей. К Андрею, о котором кто-то однажды за столом сказал: «Они давно разошлись». Я тогда кивнула и передала тарелку. Мне казалось, у всех этих историй есть сложное объяснение, которое никогда не понадобится мне.

Под первым словом я написала: «Квартира».

Стерла. Не хотела, чтобы разговор начался с квартиры. Снова написала: «Когда подаем документы».

Потом — «Как сообщаем остальным».

Я не собиралась обзванивать общих знакомых. Но мне было страшно снова оказаться в кафе, где все уже знали, а я выбирала, как улыбаться.

Последним записала: «Вещи. Забрать полностью».

На этом стало совсем плохо. Я положила телефон и пошла в спальню. Там висел его темный свитер, другой, не тот, который я собирала в чемодан. Я коснулась рукава, прижала ткань к ладони. За двадцать четыре года я столько раз гладила эту одежду, что могла на ощупь отличить новую вещь от старой.

Мне по-прежнему хотелось, чтобы он вернулся.

Это желание никуда не исчезло после красивых слов в закладках. Я могла сейчас написать ему, что дома, что все нормально, спросить, когда заедет. Он бы, возможно, ответил. Я получила бы еще один вечер ожидания, еще несколько дней, в которые можно не называть происходящее до конца.

Я выпустила рукав.

На кухне взяла телефон и написала: «Нам нужно обсудить развод. Предлагаю встретиться на следующей неделе. Когда тебе удобно?»

Отправила прежде, чем успела исправить «нужно» на «наверное, стоит».

Виктор прочитал не сразу. Я перемыла посуду, протерла плиту, вернулась к столу. Ответа не было. Захотелось удалить сообщение, пока оно еще казалось обратимым, но галочки уже изменились.

«В понедельник вечером смогу. Где?»

Я выбрала небольшую кофейню возле дома. Здесь встречаться не хотела: на нашей кухне слишком легко было снова встать и налить ему чай.

Мы договорились на семь. Виктор написал: «Хорошо».

Я открыла рабочий календарь и отметила встречу рядом с Наташиными сменами. Потом добавила напоминание за час. На следующей строке стояла выдача Андреева пиджака.

Я проверила дату, чтобы не перепутать. После этого закрыла календарь и наконец убрала телефон на ночь в кухню.

Глава 4. Разговор о разводе

Перед выходом я несколько раз пыталась снять кольцо, но каждый раз останавливалась на костяшке. В конце концов оставила. Для первого разговора о разводе хватило и того, что я смогла назначить встречу.

Виктор ждал за столом у окна. Встал, когда увидел меня, отодвинул стул. На секунду все выглядело как обычная встреча после работы, и я почти спросила, давно ли он здесь.

— Здравствуй, — сказала я.

— Привет. Тебе кофе?

— Чай. Черный.

Он подозвал официанта. Заказал себе американо, мне чай и зачем-то уточнил, нужен ли лимон. Я сказала, что нет.

Пока мы ждали, он спросил про работу. Я ответила, что привыкаю. Виктор кивнул и попытался улыбнуться.

— Рад, что ты занята. Так легче.

Я поставила сумку на соседний стул.

— Я хочу подать на развод.

Он перестал улыбаться. Потом выдохнул, почти незаметно, но я сидела достаточно близко.

— Хорошо, — сказал он. — Я думаю, это разумно.

Вот и все. Я несколько дней собиралась с силами, выбирала место, представляла разговор, а он почувствовал облегчение. Мне стало так больно, что я отвернулась к окну, будто увидела знакомого на улице.

— Лена.

— Сейчас.

Официант поставил передо мной чайник, чашку и блюдо с двумя кусочками сахара. Я сняла крышку, заглянула внутрь, хотя смотреть там было не на что.

— Я не хотел давить, — сказал Виктор. — Думал, тебе нужно время.

— Мне и сейчас нужно время. Но я не хочу оставаться твоей женой, пока ты живешь с другой.

Он медленно кивнул.

— Я понимаю.

Я посмотрела на его руку. Кольца уже не было. На месте, где оно сидело, осталась более светлая кожа.

Он заметил мой взгляд и положил руку под стол. Это маленькое движение оказалось хуже, чем если бы он оставил ее на виду.

— Когда ты снял? — спросила я.

— Недавно.

— До нашей встречи в кафе?

Он помолчал.

— Да.

Я кивнула. Мне захотелось тут же стянуть свое кольцо и положить рядом с сахаром. Я удержала руку на коленях. Не хотела потом вспоминать, как пыталась причинить ему боль вещью, которую сама столько лет носила.

— Давай о документах, — сказала я.

Виктор достал из внутреннего кармана лист с несколькими записями. Значит, тоже подготовился. Раньше я бы обрадовалась, что он все предусмотрел.

— Можно на этой неделе начать. Я посмотрел, что нужно. По квартире предлагаю пока не торопиться. Ты живешь, как жила. Потом решим.

— Когда потом?

— К осени, например.

— А до осени я буду ждать, когда тебе удобно решать?

Он убрал лист на стол.

— Лена, я же предлагаю, чтобы тебе было спокойнее.

— Мне беспокойно в квартире, где половина твоих вещей. Я каждый раз открываю шкаф и думаю, что ты вернешься. Я не хочу еще полгода так жить.

Он посмотрел на меня внимательно. Я пожалела, что сказала про шкаф, но забирать слова обратно было поздно.

— Хорошо. Что ты предлагаешь?

Я открыла заметки.

— Продать. Разделить деньги. Я посмотрю небольшую квартиру поближе к работе.

— Ты уверена, что сейчас стоит продавать?

— Нет. Поэтому хочу узнать, сколько она стоит и что я смогу купить. Я не прошу выстав-
лять ее завтра. Я хочу начать разбираться.

Виктор откинулся на спинку стула.

— Ладно. Узнаем цену. Но не надо принимать решение сгоряча.

Я посмотрела на него поверх телефона.

— Ты снял другую квартиру еще до того, как поговорил со мной.

Он опустил глаза на свой кофе.

— Да.

— Значит, я тоже могу подумать, где мне жить.

— Конечно, можешь. Я не запрещаю.

Я закрыла заметки и положила телефон рядом с чашкой.

— Мне очень трудно разговаривать, когда ты так говоришь.

— Как?

— Будто от тебя зависит, можно мне или нет.

Он нахмурился. Я видела, как он собирается возразить, и приготовилась к привычному объяснению, что я цепляюсь к словам. Но Виктор помолчал и сказал:

— Неудачно выразился.

Я кивнула. Это не исправляло всего остального, но позволяло продолжить.

Мы обсудили, какие документы у кого лежат, что нужно найти, в какой день сможем заняться оформлением. Я записывала. Когда он назвал время, которое совпадало с моей сменой, я сначала сказала «хорошо», потом остановилась.

— Нет, подожди. В среду я работаю.

— Ты можешь поменяться с Натальей?

— Могу спросить. Но сначала давай посмотрим другой день.

Он посмотрел в телефон, несколько раз провел пальцем по экрану.

— В пятницу после двух.

— Мне подходит.

Оказалось, другой день существовал.

Я налила чай. Он уже перестал быть горячим. Виктор подвинул ко мне сахар, и я вернула блюдце на середину стола.

— Я без сахара.

— Ты же раньше...

— Уже несколько лет.

Он замолчал. Я не стала объяснять, сколько именно. Мне не хотелось превращать встречу в проверку того, что он обо мне помнил.

— Кирилл сильно переживает, — сказал Виктор.

— Знаю.

— Он мне сказал, что ты почти не спишь.

Я опустила чашку.

— Я с ним поделилась. Не для того, чтобы он передавал тебе отчет.

— Он беспокоится.

— Я понимаю. Поговорю с ним.

Виктор провел пальцем по ручке чашки.

— Мне бы не хотелось, чтобы он считал, что я вас бросил.

Я смотрела на него, не понимая, как ответить без крика.

— Ты меня оставил, — сказала я наконец. — С Кириллом у тебя другие отношения. Их тебе самому строить.

— Я не отказываюсь ни от каких обязательств.

— Я знаю. Деньги приходят. Ты звонишь сыну. Это не отменяет того, что я узнала про другую женщину, когда чемодан уже стоял на кровати.

Он стиснул пальцы.

— Я не знаю, как сделать так, чтобы тебе не было больно.

— Сейчас — никак.

Сказать это оказалось неожиданно трудно. Пока он обещал помочь, где-то внутри оставалась возможность попросить что-нибудь невозможное. Вернуть март. Не звонить из гостиницы. Не встречать Алину осенью.

— Я не прошу тебя сегодня все исправить, — добавила я. — Я хочу договориться о том, что будет дальше.

Виктор кивнул. Мы вернулись к квартире.

Он предложил своего знакомого, который занимался недвижимостью. Я сказала, что возьму контакт, но сначала посоветуюсь отдельно. Он удивился, потом пожал плечами.

— Как считаешь нужным.

На этот раз я не стала искать в его тоне скрытый смысл. Я слишком устала.

У выхода Виктор потянулся за моим плащом. Я позволила помочь, затем сама застегнула пуговицы. Он спросил, отвезти ли меня домой.

— Я пройдуся.

— Уже поздно.

Было без двадцати девять. До дома — десять минут по освещенной улице.

— Я дойду, Витя.

Он чуть изменился в лице. Так я давно его не называла вслух.

— Хорошо. Напиши, как будешь дома.

Я не пообещала, но через десять минут все равно написала. Потом разозлилась на себя, потом устала злиться и пошла умываться.

Кольцо сняла над раковиной. Оно не застряло, как я боялась. Просто соскользнуло с пальца и легло в ладонь.

Я подержала его, вспоминая, как Виктор надевал его в первый раз. У него тогда дрожали пальцы, и я улыбалась, потому что привыкла видеть его уверенным. Эта улыбка никуда не исчезла из памяти, хотя теперь мне было больно ее вспоминать.

Я положила кольцо в шкатулку, в отделение возле маминых сережек. Закрыла крышку и вернулась на кухню дописывать список документов.

На консультацию я пришла одна. Женщина за столом предложила воды, спросила, что именно я хочу выяснить, и пододвинула чистый лист.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.